

Вернувшись в Южный двор, Тун Даоцзюнь с полнейшим удовлетворением выпил две пиалы тушеного супа и сказал тетушке Хэ: — Тетушка, вам снова придется утрудить себя и приготовить для меня лепешек и пампушек.

Тетушка Хэ недоуменно спросила: — Молодой господин, вы же ели всё это целых три дня в Экзаменационном дворе, неужели вам еще не надоело? Раз экзамены закончились, нужно поесть чего-нибудь хорошего.

Из-за придирок госпожи Шуй скверные слуги в поместье неизменно выказывали нетерпение, стоило им столкнуться с Цзянь Хуншу, законным сыном хоу, зато вокруг этого позорного бастарда они только и крутились, пресмыкаясь и лстя — до чего же это противно.

Хотя хоу и не жаловал законного сына, ежемесячное содержание выдавал щедро. Теперь Южным двором заведовал управитель Чэнь, а она сама вела кухню, так что в плане одежды и еды молодой господин ни в чем не нуждался. Услышав же, что Тун Даоцзюнь снова просит приготовить лепешки и пампушки, она и удивилась.

— Ах, я же еще не закончил сдавать, впереди военные экзамены.

Экзамены по военному делу не такие сложные, как по гражданскому. Первым этапом предстояло написать военный трактат, и местом проведения вновь стал Экзаменационный двор. На сей раз у главных ворот Экзаменационного двора толпились вовсе не утонченные ученые и сюцаи — большинство составляли рослые, сильные и крепкие мастера боевых искусств. Среди этой толпы рослых и крепких боевых мастеров хрупкий и ослепительно прекрасный Тун Даоцзюнь выглядел крайне чужеродно. Рядом с ним находились дородная и свирепая на вид тетушка Хэ, а также хмурый Чжань Шань с пронзительным холодным взглядом, поэтому никто не смел приближаться к ним и на шаг. Люди лишь сбивались в небольшие кучки и о чём-то тихо перешептывались.

Поскольку к нему никто не подходил, вокруг Тун Даоцзюня образовалось свободное пространство, из-за чего он сильно выделялся на общем фоне. Появившись здесь, Цзянь Цзяньжэнь сразу же заметил его.

— Почему ты здесь? — Незадолго до этого он подружился с молодыми господами из нескольких знатных семей Императорской Столицы и договорился вместе с ними прийти на военные экзамены. Кто бы мог подумать, что он встретит здесь этого никчёмного человека? Выражение лица Цзянь Цзяньжэня, до этого тронутое лёгкой довольной улыбкой, мгновенно помрачнело.

Молодые господа из аристократических семей, шедшие вместе с Цзянь Цзяньжэнем, тоже посмотрели на Тун Даоцзюня с презрением — очевидно, Цзянь Цзяньжэнь немало наговорил о нём гадостей в их присутствии.

Тун Даоцзюнь даже не взглянул на собеседника. Он неторопливо достал из рукава пухлый вышитый мешочек с узором из белых пионов, вытащил оттуда молочную конфету-шарик и

отправил её в рот. Во рту тут же распространился сладкий сливочный вкус. Эту сладость ему совсем недавно передал через Ин-эра Шао Лиюй. Он очень любил сладкое — эта привычка осталась у него еще от учителя из прошлых миров, и с тех пор, если позволяли обстоятельства, при нем всегда был мешочек с леденцами. Попав в этот Мир и узнав об этой его слабости, Шао Лиюй стал регулярно присылать ему пакеты с сахарными шариками, причем каждый шарик обладал своим неповторимым вкусом.

Здесь, в Императорской Столице, Цзянь Цзяньжэнь официально числился дальним родственником, который вместе с матерью приехал под покровительство Цзиньаньского хоу. Из-за никчемности законного сына Цзиньаньский хоу намеревался усыновить его, чтобы в будущем тот унаследовал Поместье Цзиньаньского хоу. Однако подобный шаг повлек бы за собой понижение титула, к тому же, согласно Уголовным законам Да Юй, титул не мог наследоваться сыном Цзянь Цзяньжэня — вместо этого преемником должен был стать Цзи Жэнь, сын законного наследника Цзянь Хуншу, в противном случае титул и вовсе аннулировался бы.

И тем не менее, по изначальному сценарию этого Мира, даже если бы Цзянь Цзяньжэнь унаследовал поместье в статусе приемного сына, благодаря своим близким отношениям с Шао Сесюном он занял бы место Цзиньаньского хоу абсолютно прочно и незыблемо.

Столкнувшись с открытым игнорированием со стороны Цзянь Хуншу и остальных, Цзянь Цзяньжэнь почувствовал себя смертельно униженным, и гнев на его лице вспыхнул с новой силой.

— Цзянь Хуншу, я с тобой разговариваю, оглох, что ли?!

Услышав свое имя, Тун Даоцзюнь лишь неторопливо перевел на него взгляд и произнес:

— Ой, так ты со мной разговаривал?

От этих слов Цзянь Цзяньжэнь едва не выплюнул кровь от ярости. Но как только он собрался ответить, из Экзаменационного двора вышел чиновник и зычно прокричал:

— Первый тур военных экзаменов начинается!

— Я пошел сдавать экзамен. Тетушка Хэ, вы вместе с Сяо Чжанем возвращайтесь домой, не нужно здесь ждать. — Тун Даоцзюнь забрал из рук Чжань Шаня экзаменационную корзину, в другую руку взял вышитый мешочек, доверху наполненный сахарными шариками, и легкой, словно призрак, походкой направился в Экзаменационный двор, ни секунды не ждя, пока остальные опомнятся.

В первом туре военных экзаменов проверялись стратегий и трактаты о военном деле. Для Тун Даоцзюня это было так же просто, как и гражданские экзамены — проще говоря, сущая мелочь. К тому же главным наблюдателем на этом испытании выступал Старший принц Шао

Лиуй.

Поэтому, потратив на ответы всего полдня, Тун Даоцзюнь вновь зажил по своей привычной схеме: дразнить принца, есть конфеты и спать.

Спустя два дня письменный экзамен по стратегии подошел к концу. Тун Даоцзюнь в сопровождении управителя Чэя, тетушки Хэ и Чжань Шаня неторопливой походкой вернулся в Поместье Цзинъаньского хоу. Едва они переступили порог, как путь им преградили. На этот раз дорогу загородил не Цзянь Цзяньжэнь, а никчемный отец Цзянь Хуншу — Цзянь Чуцин.

В эту эпоху сыновняя почтительность ценилась превыше всего. И хотя Тун Даоцзюнь мог позволить себе демонстрировать презрение к Цзянь Цзяньжэню и Шуй Чжуся, перед никчемным родителем Цзянь Чуцином он всё же должен был соблюдать видимость уважения.

Хотя выражение лица Тун Даоцзюня оставалось бесстрастным, он всё же чинно сложил руки в приветственном поклоне перед Цзянь Чуцином.

— Отец Цзянь Чуцин посмотрел на Тун Даоцзюня, яростно выкатив глаза, и рявкнул:

— Ты, негодный сын! Неужели ты будешь доволен, только когда полностью покроешь позором поместье Цзинъаньского хоу? Точно в такую же дрянь превратился, как и твоя мать с ее низким происхождением!

Слушая слова Цзянь Чуцина, Тун Даоцзюнь ничуть не изменился в лице — на нем по-прежнему лежало лишь легкое выражение равнодушия. Он поднял руку, жестом приказывая троим следовавшим за ним людям отступить, а его фениксовы глаза слегка сузились, испуская леденящий морозный блеск.

Хотя он и не был прежним хозяином этого тела, раз уж он занял место Цзянь Хуншу, он должен был защищать все, что принадлежало тому по праву, включая его мать.

Тун Даоцзюнь, впитавший все воспоминания прежнего владельца, отчетливо помнил: госпожа Жун была женщиной мягкой и изящной, исполненной достоинства и непревзойденной красоты. Поскольку она происходила из купеческого рода, ее навыки ведения дел были поистине поразительны, и под ее управлением во всем поместье царил безупречный порядок. Быть может, всё дело было в том, что госпожа Жун оказалась слишком хороша во всем. Но сколь бы выдающейся она ни была, в глазах Цзянь Чуцина она оставалась лишь дочерью купца, которая ничем не могла помочь его карьерному росту, а сам факт женитьбы на купеческой дочке заставлял его чувствовать себя униженным перед другими отпрысками аристократических семей.

Добавьте к этому козни, которые плела Шуй Чжуся, — и он невзлюбил госпожу Жун еще сильнее. Даже рождение самого Цзянь Хуншу оказалось случайностью.

Из-за череды трауров, соблюдавшихся один за другим в те времена, Цзянь Чуцин крайне редко разделял ложе с госпожой Жун, из-за чего она долго не могла забеременеть. К тому моменту Шуй Чжуся уже родила Цзянь Чуцину Цзянь Цзяньжэня, и Цзянь Чуцин изначально собирался избавиться от госпожи Жун на основании одного из семи условий для расторжения брака — бесплодия, — чтобы с чистой совестью ввести Шуй Чжуся в дом. Однако, напившись, он провел ночь с госпожой Жун, и так на свет появился Цзянь Хуншу.

Можно сказать, что появление Цзянь Хуншу спутало все планы Цзянь Чуцина и Шуй Чжуся. Именно поэтому Цзянь Чуцин столь люто ненавидел собственного законного сына. Но раз уж дело зашло так далеко, нельзя же было просто взять и придушить Цзянь Хуншу. Из-за этого Цзянь Чуцин стал относиться к законной жене и законному сыну еще холоднее, а за глаза даже позволял себе насмешки над ней, называя торговкой с подлым происхождением.

Однако Цзянь Чуцин никогда не задумывался о том, что после входа в поместье Цзинъаньского хоу госпожа Жун принесла с собой не только щедрое приданое, но и весь клан Жун. И даже сейчас, не имея за душой ни единой военной заслуги или реального достижения, он мог удерживать поместье Цзинъаньского хоу на плаву исключительно благодаря огромному финансовому состоянию, которым владела госпожа Жун.

Потому Тун Даоцзюню этот мужчина был до отвращения противен. Если бы на его месте оказался настоящий прежний хозяин тела, он бы, наверное, притих от подобных оскорблений со стороны собственного отца и тайком в одиночестве утирал слезы. Но он — не тот прежний мальчишка.

— Осмелюсь спросить отца: это каким же образом сын покрыл позором поместье Цзинъаньского хоу? — произнес Тун Даоцзюнь, делая шаг вперед к Цзянь Чуцину, а в его фениксовых глазах сверкнул острый, пронзительный свет.

Цзянь Чуцин никак не ожидал, что этот вечно робкий и никчемный сын посмеет возразить ему да еще и пойти в такое жесткое наступление. От неожиданности он невольно отступил на шаг назад.

— Ты, негодный сын, еще и права качать смеешь! Родившись в семье военачальника, ты бросил боевые искусства ради учести книжника — и ладно бы! Так теперь, из-за того что я привел в дом Цзяньжэня, ты, желая насолить ему, заявился на военные экзамены! С какой стати тебе вообще сдались военные экзамены? Неужели благодаря тем Четверокнижию и Пятикнижию, что ты заучил?!

После того как в прошлый раз Тун Даоцзюнь безжалостно срезал его фразой о том, что мать есть только у него одного, Цзянь Чуцин больше не заикался о том, что Цзянь Цзяньжэнь — старший брат Тун Даоцзюня.

— Ох, до чего же смешно! В Уголовных законах Да Юй не сказано, будто тот, кто изучает Четверокнижие и Пятикнижию, не имеет права сдавать военный экзамен. И даже если я не сдам его, это все равно не опозорит поместье так сильно, как если бы император узнал, что

отец предавался незаконной плотской связи с госпожой Шуй без соблюдения свадебных обрядов и нажил внебрачного ребенка прямо в период траура, да еще и отправил его на военные экзамены! Посмотрим-ка тогда, сын мой, чьи поступки сильнее навлекут срам на весь наш род!

— Негодник, как ты смеешь! — взревел от ярости Цзянь Чуцин. Он совершенно не предполагал, что Цзянь Хуншу осмелится шантажировать его подобным образом, а ведь именно поэтому он и решился вернуть Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэня.

У мужчины могут быть три жены и четыре наложницы, и даже тайная любовница на стороне не считалась большим грехом, но в период соблюдения траура категорически запрещалось жениться и брать наложниц, а дети, зачатые в это время, и вовсе подлежали уничтожению — появившись они на свет, они неизбежно стали бы предметом всеобщих насмешек и осуждения.

Тот факт, что Цзянь Цзяньжэнь был бастардом, по сути, еще ничего не значил: если бы в будущем Цзянь Чуцин взял Шуй Чжуся в качестве законной жены взамен прежней, тот тоже сошел бы за господина из поместья, пусть и не получив статус законного сына. Но если бы кто-то пронюхал, что он зачат во время траура, всё изменилось бы коренным образом. Одного этого хватало с лихвой, чтобы Император лишил Цзянь Чуцина титула хоу.

— Отцу следует хорошенько подумать и больше не доводить меня до белого каления, иначе никому от этого поздоровится, — бросил напоследок Тун Даоцзюнь. Хм, если бы не необходимость избегать отклонения траектории Мира от главного сюжета, он бы с радостью вывалил всю эту историю прямо перед Императором, и тогда поднялся бы поистине грандиозный шумер.

— Ты...

Тун Даоцзюню было до смерти скучно препираться с таким слабоумным дураком, как Цзянь Чуцин. Издав холодный смешок, он просто обошел отца стороной и направился к своему Южному двору.

Кто же знал, что, миновав главные покои, он нос к носу столкнется с Шуй Чжуся. На ней было легкое белое шелковое платье, облегавшее ее изящную фигурку, в волосах сияли драгоценные шпильки и нефритовые кольца, а в глазах плескалась манящая влага, придававшая ей невероятно жалостливый вид.

Его и без того мрачное лицо сделалось еще темнее. Тун Даоцзюню даже возиться с ней не хотелось, и он уже собирался обойти ее стороной, как вдруг Шуй Чжуся подала голос. Нежный, мягкий голос звучал ласково и мелодично, пробуждая в любом мужчине самое сильное желание покорить обладательницу.

— Мы с хоу искренне любим друг друга, а ты — его сын, как же ты можешь разлучать влюбленных?

— Ого, что сегодня творится, они что, соревнуются, у кого бесстыдства больше? Дорогая

хозяйка, эта женщина пытается взвалить всю грязь на твою голову! — не выдержав, наконец высказался V587.

— Эту грязь я на себя вешать не собираюсь!

Тун Даоцзюнь остановился и слегка прищурил длинные глаза с приподнятыми уголками. Мушка у него в уголке глаза от этого малейшего движения стала еще более соблазнительной, придавая ему неземную красоту, превосходящую даже госпожу Шуй.

Из Экзаменационного двора в поместье он вернулся уже около полудня. В животе было пусто, Тун Даоцзюнь сильно проголодался, поэтому и велел тетушке Хэ и остальным идти вперед в Южный двор готовить обед — разобравшись с Цзянь Чуцином, можно будет спокойно поесть.

Кто же знал, что эта любовница окажется настолько слепой, чтобы сунуться под руку именно в этот момент и попытаться вылить на него помой? Хм.

— Мимолетная страсть, дикие утки — сколько ни бей, все утки.

Вода чуть не выплеснулась изо рта Шуй Чжуся от одного слова Тун Даоцзюня: этот никчемный отброс и впрямь, как говорил ее сын, стал невероятно остр на язык.

— Ты...

— Ты думаешь, что раз родила от отца Цзянь Цзяньжэня, а моей матушки больше нет, то сможешь стать законной главной госпожой Поместья Цзинъаньского хоу? Я, Цзянь Хуншу, заявляю тебе: дикая курица, даже взлетев на ветку, не станет благородным фениксом. — С презрительным выражением лица закончив говорить, Тун Даоцзюнь холодно фыркнул и медленно зашагал прочь, даже не взглянув на Шуй Чжуся.

— Ццц, дорогая хозяйка, твой язык становится всё ядовитее и ядовитее. Ты уверен, что так сильно ее провоцировать — хорошая идея? — обратился V587 к Тун Даоцзюню, наблюдая за тем, как лицо Шуй Чжуся искажается от всё более свирепой гримасы.

Судя по траектории исходного Мира, в смерти госпожи Жун, скончавшейся в расцвете лет едва за тридцать, была огромная заслуга Шуй Чжуся. Именно она подкупила старого слугу, ведавшего кухней в Поместье Цзинъаньского хоу, чтобы тот долгое время подсыпал яд медленного действия в пищу госпожи Жун, а последовавшая простуда лишь активизировала яд, оборвав ее жизнь.

— Хм, если ее не спровоцировать, как же она снова решится на жестокие меры? — В глазах Тун Даоцзюня мелькнул острый блеск, и он добавил: — Для Чунхэ тоже настало подходящее время. Благодаря целебным и питательным отварам, которые в последнее время подавали к столу, внешность Чунхэ стала еще более свежей и привлекательной. Она внимательно наблюдала за каждым движением, за каждым вздохом и улыбкой госпожи Шуй, когда та прислуживала Цзянь Чуцину. Начав с простого подражания, девушка постепенно усвоила все тонкости, и теперь в ней сочетались чувственность зрелой женщины и нежная прелесть юной девы. Даже без тайного вмешательства Тун Даоцзюня ей удалось привлечь внимание Цзянь Чуцина.

Чунхэ была очень умна: заметив, что Цзянь Чуцин обратил на нее внимание, она притворилась, будто ничего не подозревает, и теперь во время службы то и дело невзначай совершала мелкие ошибки.

Сперва она случайно пролила чай на одежду Цзянь Чуцина, а затем устремила на него полные слез и растерянности глаза, принявшись торопливо вытирать пятно. Ее мягкие ладони, сжимающие шелковый плат, скользили по широкой груди — подобное испытание не смог бы выдержать ни один мужчина. Цзянь Чуцин явно оказался из тех, кто поддается на такие уловки: сохраняя на лице суровое выражение, он блуждал взглядом по утонченному и прелестному лицу служанки.

В другой раз, проработав в прачечной, Чуньхэ промочила одежду. Когда она собиралась вернуться в свои покои, чтобы переодеться, ей повстречался собиравшийся покинуть поместье Цзянь Чуцин. Девушка в испуге и растерянности опустила на колени, отвешивая поклон, а пропитавшаяся водой легкая одежда плотно облепила ее хрупкое и нежное тело, обнажая очертания розового нагрудника. Две мягкие полусферы, скрытые под бледно-розовой тканью, проступали сквозь влажную ткань, пробуждая самые смелые фантазии. В последний раз Чуньхэ неосторожно наступила на собственный подол и рухнула прямо в объятия Цзянь Чуцина. Она отлично знала меру: едва Цзянь Чуцин попытался её приобнять, девушка вовремя отступила, в спешке опустила на колени с извинениями, а когда появилась госпожа Шуй, ловко ретировалась.

Тун Даоцзюнь наблюдал за картинкой, которую передавал V587, и отчетливо видел, как Цзянь Чуцин слегка нахмурил брови, а его взгляд, обращенный на Шуй Чжуся, был исполнен недовольства.

Все эти махинации Чуньхэ проделывала в строжайшем секрете, никогда не показывая их на глаза остальным обитателям поместья. Более того, зачастую она избегала появляться рядом, когда Шуй Чжуся проводила время с Цзянь Чуцином, так что до сих пор этого никто не заметил.

Вернувшись в Южный двор, Тун Даоцзюнь сразу зашел в комнату и повалился на кровать, с большим удовольствием разглядывая транслируемые V587 кадры. Шуй Чжуся с лицом человека, страдающего запором, вернулась в Западный двор и в ярости разбила чайный сервиз, в то время как Цзянь Чуцин, которого Тун Даоцзюнь тоже порядком разозлил, быстро остыл благодаря нежной заботе Чуньхэ, подававшей чай, воду и расточавшей мягкие утешения.

Запертая дверь комнаты отворилась, а затем тихо затворилась вновь. Почувствовав движение, Тун Даоцзюнь уже собирался перевернуться и встать, как его обнял вошедший, уткнув лицом в широкий, теплый и источающий слабый аромат амбры мужской уклад.

Тун Даоцзюнь на мгновение даже растерялся, совершенно не понимая, с чего это вдруг появился Шао Лиюй. Ты внезапно пришёл? — не оттолкнув обнимающего его мужчину, он протянул руки, обнял того за талию и вдохнул приятный запах, исходивший от него.

От проявленной человеком в его объятиях инициативы черные глаза Шао Лиюя, обычно спокойные и отрешенные, смягчились, и он безошибочно накрыл поцелуем мягкие губы Тун Даоцзюня.

После того как их губы и языки надолго сплелись в страстном поцелуе, они каким-то образом оба скатились на кровать. Шао Лиюй опустился на одно колено у края постели, одной рукой

упершись рядом с Тун Даоцзюнем, а другой нежно поглаживая его шелковистые черные волосы.

— Тебя обидели, как же я мог не прийти.

Тун Даоцзюнь, который, прищулив фениксовы глаза и с самым блаженным видом позволив себя приласкать, услышав это, слегка замер и озадаченно посмотрел на него.

— А? Когда это меня успели обидеть? — Тот, кто мог бы его обидеть, еще даже не родился.

Шао Лиюй посмотрел на Тун Даоцзюня, чьи фениксовы глаза, полные недоумения и привычного яркого блеска, слегка прищурились, отчего казались созданными для обольщения, и, трижды убедившись, что тот действительно ни капли не расстроен, слегка приподнял соболиные брови.

Как этот болван Ин-эр выполняет поручения? Разве он не говорил, что его сокровище из-за Цзянь Чуцина и госпожи Шуй расстроилось настолько, что пропустило даже обед, и сидит в комнате, оплакивая обиду?!

— Раз уж те слепцы омрачили твое сердце, почему ты не подал жалобу прямо во дворец?

Если бы Император узнал о делах госпожи Шуй и Цзянь Цзяньжэня, Цзянь Чуцину пришлось бы распрощаться с должностью хоу Цзиньаньского поместья. И хотя это, возможно, вызвало бы злословие и сплетни среди чиновников и знати, Шао Лиюй знал, что для способностей этого человека вернуть былое величие поместью Цзиньаньского хоу не составит никакого труда.

Выслушав его, Тун Даоцзюнь наконец сообразил, в чем дело, обнял его за плечи, слегка надавил, легко перевернулся и прижал его к кровати. Закинув стройные ноги на крепкую и гибкую талию, он оперся локтями о широкую грудь и подпер ладонью подбородок.

— Если прикончить его одним ударом ножа, будет не так весело.

Шао Лиюй всё понял, в его глазах промелькнула беспомощная улыбка. Он крепче обнял оказавшегося сверху человека, прижимая к себе, и поцеловал его в губы.

— Развлекайся как хочешь, если тебя обидают — я заступлюсь. Титул хоу твой, и никто не смеет на него посягать.

Уголки губ Тун Даоцзюня изогнулись в легкой улыбке, он слегка покусал мягкие тонкие губы Шао Лиюя и произнес:

— А вот это драконье кресло, кроме тебя, никому не дозволено занимать.

Спустя полмесяца были оглашены результаты военных экзаменов, и имя Тун Даоцзюня, разумеется, оказалось в списке, как и имя Цзянь Цзяньжэня.

Второй этап военных экзаменов включал в себя стрельбу из лука, конную стрельбу и боевые искусства, состязания длились три дня.

Цзянь Чуцин полностью проигнорировал тот факт, что Тун Даоцзюнь сдал письменный военный экзамен, поэтому к месту проведения испытаний его по-прежнему сопровождали тетушка Хэ и Чжань Шань.

Впрочем, в отличие от письменного экзамена, в эти три дня кормили досыта, так что еду брать

с собой не потребовалось. Тем не менее рот Тун Даоцзюня не переставал жевать: на этот раз он лакомился османтусовыми пирожными, которые Шао Лиюй велел передать через Ин-эра.

— Молодой господин... — Тетушка Хэ посмотрела на худощавую фигурку своего молодого господина, а затем на окружавших их крепких, мускулистых кандидатов на военную должность, и ее сердце испуганно ёкнуло.

— Я пошел, возвращайтесь, — бросил Тун Даоцзюнь, запихивая в рот кусок пирожного и пережевывая его, затем помахал рукой и шагнул в ворота тренировочного поля.

На самом поле Тун Даоцзюнь снова встретил главного экзаменатора — Старшего принца, однако на этот раз подшучивать над ним уже не получилось.

Среди толпы крепких, мускулистых парней такой выдающийся по красоте и утонченный юноша, как Тун Даоцзюнь, действительно выглядел белой вороной и привлекал всеобщее внимание; некоторые даже посмеивались над ним, сомневаясь, хватит ли у него сил натянуть тетиву.

Однако реальность заставила этих скептиков едва ли не вытаращить глаза от изумления, ведь Тун Даоцзюнь не только с легкостью натянул лук, но и стрелял без промаха: и по неподвижным, и по движущимся мишеням — каждая стрела попадала точно в яблочко.

Когда же началось испытание по конной стрельбе, его мастерство верховой езды и вовсе оказалось вне конкуренции. По итогам двух туров он с наивысшим баллом прошел в третий этап — проверку боевых искусств, а следом за ним шел Цзянь Цзяньжэнь.

Глядя на тренировочном поле на человека, который подобно источнику света приковывал к себе все взгляды, Цзянь Цзяньжэнь почернел лицом.

Проклятье, вся эта слава, все эти восхищенные взгляды должны принадлежать ему! Цзянь Хуншу, как же глубоко ты прятался, но в следующем испытании я заставлю тебя выбыть из борьбы.

Система V587 с молниеносной скоростью запечатлела крайне свирепое выражение лица Цзянь Цзяньжэня, уставившегося на Тун Даоцзюня, и даже специально увеличила его искаженную физиономию.

— Великий хозяин, только посмотрите на гримасу Цзянь Цзяньжэня, он ведь готов сожрать вас живьем!

Тун Даоцзюнь, стоявший в уголке, куда не падали лучи палящего солнца, и «обменивавшийся взглядами» с Шао Лиюем, внезапно был атакован выведенным системой на весь экран перекошенным лицом Цзянь Цзяньжэня, отчего слегка поморщился.

— Ты что, хочешь, чтобы мне ночью кошмары снились?